

ВАЛЕРИЙ СУББОТНИКОВ

Хорошие
учителя
видят
больше

ШКОЛА

ГОРОНО

РАЙКОМ

СИНИЦА
В РУКАХ

РАЙКОМА

УЧИТЕЛЬ ★ 1985

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

ГЕОГРАФИЯ

ПРИРОДА СССР

КАРТЫ МИРА

Больше
хороших
людей

АТЛАС
МИРА

ПУТЁВКА
К МОРЮ

Валерий Субботников

Детектив. Синица в руках райкома

«Автор»

2026

Субботников В.

Детектив. Синица в руках райкома / В. Субботников — «Автор», 2026

Одна синица сбежала. Вторую подменили. А теперь за птичий обман придётся отвечать перед райкомом! Москва, 1985 год. Учительница географии Вера Сомова впервые в жизни получила путёвку к морю. Для полного счастья осталось три дня присмотреть за школьной синицей. Но птица исчезает, директриса грозит лишить отпуска, а до проверки считанные дни. Отчаявшись, Вера решается на аферу: ловит дикую синицу и выдаёт её за обученного Кешу. Только самозванка кусается, устраивает погром на школьной репетиции и совершенно не признаёт советскую власть! Теперь настоящий Кеша находится в гороно, подменный — в школе, а выдуманный учёный должен объяснить происходящее. Сумеет ли Вера спасти путёвку, когда её маленькая ложь превратилась в катастрофу районного масштаба?

© Субботников В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Валерий Субботников

Детектив. Синица в руках райкома

Глава 1

Мокрый снег шёл над Москвой так, будто небо тёрло город крупной стальной мочалкой — без злобы, но основательно. Вера Сомова стояла у подъезда, прижимала локтем к животу клетку, укрытую полой пальто, и прикидывала маршрут, как прокладывают курс в шторм: Пресня — Горбатый мост — остановка — школа. Четырнадцать минут ходу, восемь на трамвае. Итого двадцать две. До звонка — двадцать. Дисциплина «атмосферные осадки» в расчёт не бралась: в географии осадки — фактор, а не отговорка.

— Тихо, — сказала она в пальто, пониже груди. — Идём на посадку.

Кеша из-под сукна ответил короткой дробью — тис-тис-тис, — как телеграф, подтверждающий приём.

Пучок на затылке сполз уже у первого же сугроба. Вера на ходу выдернула заколку-«невидимку» зубами, ткнула обратно наугад — и понеслась дальше. Туфли она надела на босу ногу, чулки лежали в сумке, рядом с глобусом, буханкой и стопкой тетрадей: «дошнуюрюсь в трамвае» — так было заведено с первого курса пединститута и ни разу не подвело. Сумка, правда, при каждом прыжке через лужу била по ногам глобусом, точно гиря, — Южное полушарие, в основном. Вера поморщилась: удар пришёлся по Антарктиде.

На Горбатом мосту — Калининском, как значилось на всех картах и ни в одном живом разговоре, — ветер встретил её лично. Он шёл с реки, низкий и продольный, точно меридиан, и Вера, согнувшись над клеткой, пробивалась сквозь него, как шхуна сквозь штиль наоборот. У газетного киоска, закрытого ещё, — «Вечёрка» будет к вечеру, а утром киоскерша только разводит внутри калорифер, — она чуть не сбила прохожего с портфелем.

— Смотрите, куда прёте! — Портфель вознегодовал.

— Извините, я с ребёнком.

Прохожий уже отошёл на шаг, но услышанное его задело. Он оглянулся, посмотрел на Верину пальто, из-под которого в этот момент донеслось отчётливое «тис-тис-тис», и переспросил с интонацией человека, готового ко всему:

— С ребёнком?

— Зоологический, — уточнила Вера и побежала дальше, потому что в конце моста, за сплошной снежной крупой, показался трамвай.

Её трамвай. Третий маршрут. Трёхвагонка.

Она видела его секунды три — и эти три секунды трамвай делал вид, что постоит. Потом вагоновожатый, человек с железным хронометром вместо сердца, дал звонок, и состав — головной, средний и хвостовой, целая экосистема на рейках, — тронулся прямо из-под носа, мягко и неотвратно, как материк в теории дрейфа. Вера успела только коснуться ладонью крайнего поручня.

— Стойте! Тут экспонат!

Трамвай не стал экспонатом ни для кого. Он ушёл, проскрипев на стыке, и растворился в снежной мути за мостом, оставив Веру на остановке с пустой рукой и ощущением, что сейчас самое время диктовать: «Трамвай — вид транспорта, отличающийся высокой социальной нелояльностью».

Следующий, по опыту, — через семь минут. Или через пятнадцать. Трамвайное расписание в марте — наука прогнозная, как погода.

Вера посмотрела на часы, посмотрела на мост, посмотрела под пальто — оттуда смотрел Кеша, спокойный, как старейшина, и в его круглых глазах читалось: человек, твой маршрут плох.

— Бежим, — решила Вера. — Пешая хорда. По дуге моста теряем время, срезаем через дворы — получаем профиль выигрышный.

Она не была уверена, что «профиль выигрышный» — географический термин, но под стрессом начинала диктовать, как на уроке, а диктовка, как известно, не обязана быть строгой. Клетка под полкой подпрыгивала, Кеша держался за жердочку всеми четырьмя... всеми двумя лапами и крыльями, сумка с глобусом совершала боковые колебания с периодом в один шаг. Заколочка сдалась окончательно где-то у булочной, и пучок распустился, обдав лицо мокрыми прядями.

Дворы приняли её как свою. Бабушка с кошелкой посторонилась, мальчишка в ватнике нараспашку — Вера мельком отметила, что куртка на нём застёгнута ровно на одну пуговицу, это был Славик, но сейчас было не до Славика, — проводил её взглядом человека, видящего мираж. Из-под пальто бежавшей женщины свистели.

Двери школы встретили её стёклами, запотевшими изнутри, — школа дышала, школа уже жила полной жизнью: до звонка оставалось минус пять минут. Первый урок шёл вовсю.

Вера влетела в вестибюль, тормозя подошвами по мраморной крошке, одной рукой подхватила сползшую клетку, другой сумку — и на ровном, идеально выдержанном, школьном месте врезалась в человека.

В человека в тёмном костюме, с брошью-камеей на лацкане.

Раиса Демьяновна даже не качнулась. Она стояла так, будто её вынесли из кабинета и поставили тут заранее, минут за десять, специально к столкновению. Два телефона остались на её столе этажом выше, но Вере почудилось, что слышит, как звонит горно.

— Сомова, — сказала директриса тихо.

Так тихо, что шумевший за стенкой разудалый девятый «Б» стал вдруг слышен до последнего шепотка.

— Раиса Демьяновна, я... — Вера попыталась пригладить мокрые волосы, поняла, что в руке сумка, а в сумке глобус, и оставила волосы при них. — Задержалась по объективным... Маршрутная обстановка...

— Экспонат, — директриса посмотрела на пальто Веры, точно рентгеном, — в школе?

Из-под полы, точно по сигналу, раздалось: «тис».

— В школе, — подтвердила Вера. — В полном... оперении.

Раиса Демьяновна перевела взгляд с пальто на часы, с часов — на Веру, и Вера успела отметить, как это бывает у хороших географов: взгляд директрисы шёл по маршруту, и маршрут был кратчайший.

— Урок у вас какой?

— Второй. Шестой «А». Географическое положение Австралии.

— Так вот, Сомова. — Раиса Демьяновна сделала паузу, в которой уместилась бы вся Австралия со всем её географическим положением. — На большой перемене зайдёте ко мне. С экспонатом. Разговор есть.

Она не сказала «о путёвке». Она вообще ничего не сказала, кроме того, что сказала, — но Вера, стоя на мраморной крошке в туфлях на босу ногу, с клеткой под полкой и чулками в сумке, поняла вдруг совершенно ясно: с этого «разговора есть» начинается не перемена. С этого «разговора есть» начинается всё.

— Буду, — сказала Вера.

Директриса кивнула — один раз, как ставят печать, — и пошла по коридору, тихая и страшная, а Вера осталась стоять у двери учительской, смотрела на часы и чувствовала, как

под пальто Кеша, живой, тёплый и совершенно не подозревающий о масштабах катастрофы, деловито шелушит семечко.

Звонок прозвенел над ней, как колокол на мысе Доброй Надежды.

«До большой перемены, — подумала Вера, поправляя клетку и решительно трогаясь к лестнице, — сорок пять минут. Успею про Австралию. Успею пришнуровать чулки. Успею придумать, что сказать».

Она не успеет ничего из этого. Но она ещё не знала — и потому бежала вверх по лестнице быстро, весело и почти счастливо, как бегут к морю люди, которые ни разу его не видели.

Глава 2

Австралия на уроке у шестого «А» получилась большая, зелёная и расположенная исключительно южнее экватора — как раз там, куда Вере хотелось самой. Она чертила мелом береговую линию, а за спиной, на подоконнике, под полотняным капюшоном стояла клетка и молчала с достоинством глубоководного аппарата. Кеша был воспитаннее всякого шестого «А». Шестой «А» это знал и потому сидел тише воды — класс чуял, что сегодня географичка принесла что-то живое, и это «что-то» интереснее кенгуру.

— Пустыня Большая Виктория, — диктовала Вера, не оборачиваясь. — Осадков мало. Население редкое. Вопрос: почему?

— Потому что жить там никто не хочет? — предположил задний ряд.

— Верно по сути и неверно по форме, — Вера поставила точку на периферии континента и поймала себя на том, что пустыни бывают разные. Бывает пустыня Большая Виктория. А бывает кабинет директора, где осадков тоже мало и население редкое — одна Сомова на всю территорию.

Звонок прозвенел, как спасательный круг, который бросили мимо.

Большая перемена — двадцать минут. Вера несла клетку в кабинет директора коротким маршрутом, мимо учительской, из которой пахло чаем и где Людмила Физиковна провожала её взглядом долгим и сострадательным, как провожают поезд, на который ты не успела и уже не успеешь. В животе у Веры поёжилось что-то, не имеющее географического названия.

— Войдите, — сказали из-за двери тихо, ещё до стука.

Кабинет был устроен, как столкновение двух систем координат. На столе стояли два телефона — чёрный, городской, для людей, и бежевый, без диска, прямой провод в гороно, для судебных. Над столом висел портрет Чернышевского, человека, задавшего при жизни один вопрос, и теперь, на старости лет в раме, задающего его каждому входящему. На стене напротив, аккуратно приколотый кнопками по углам, — график выставки «Наши пернатые друзья», три колонки синими чернилами: «Ответственный. Мероприятие. Срок». Против фамилии «Сомова» колонка «Мероприятие» была единственной пустой во всей таблице.

— Садитесь, Сомова. — Раиса Демьяновна указала на стул. Камея на лацкане качнулась. — Экспонат на пол.

Вера поставила клетку у ножки стола. Кеша посмотрел вверх, на Чернышевского, и вопроса не задал — вопрос был задан раньше.

— Значит, так, — директриса сложила руки на столе, и Вера поняла: сейчас будет карта. — Путёвка профсоюзная, Сочи, август. Отделение первородящее... то есть первоочередное — ваше. Комсомольская организация школы вас рекомендовала, я подписала, профком подтвердил. Завтра райком утверждает списки.

— Раиса Демьяновна, я... — у Веры пересохло во рту. Сочи. Август. Чёрное море, единственное тёплое море, которое она знала по карте наизусть и ни разу — ногами. Географ Мирового океана, не видевший ни одного океана. Фальшивка с дипломом.

— Не перебивайте, — тихо сказала Раиса Демьяновна. — Я ещё не закончила. Путёвка — завтра. А сегодня у нас, Сомова, ситуация.

Она посмотрела на клетку так, как смотрят на миномёт, найденный в подсобке.

— В кабинете биологии ремонт. Съехал шкаф со стеклом, обои, целая экспозиция под угрозой. Ремонтники — до четверга, если не до пятницы, а если до пятницы, то, как вы понимаете, до понедельника. Выставка «Наши пернатые друзья» — в субботу, гороно придёт с проверкой, вопрос о статусе образцовой комнаты живой природы решается в этом месяце. — Пауза была короткая, как удар молотка. — Экспонату в школе оставаться нельзя. Вашему экспонату.

Кеша под капюшоном, точно понимая, что речь о нём, тиснул один раз, утвердительно.

— Ему нельзя в мороз, нельзя в сквозняк, нельзя к ремонтникам — они птицу мимо пролётки не понесут, а просто высадят в окно, ищи потом по всей Пресне. А мне, Сомова, нельзя без экспоната на выставку. Мне без него статус не дадут, а без статуса — комнату не выделят, без комнаты — киноустановку не поставят, без киноустановки... — Раиса Демьяновна остановилась, потому что дальше цепочка уходила в районы, где Вера не была сильна. — Короче. Заберёте экспонат домой. На три дня. Выкормите, выгуляете в клетке, к выставке принесёте назад в полном виде и с программой. Экспонат обученный?

— Обученный, — сказала Вера. — Предсказания таскает.

— Что таскает?

— Бумажки. Свёрнутые. За семечко. «Вас ждёт успех в труде».

Раиса Демьяновна посмотрела на Веру долго и без выражения, как смотрят на нестандартный ответ у доски. Потом взяла со стола листок — Вера увидела, что это и есть список, её фамилия третья сверху, — и пододвинула его на дюйм к себе. Не к Вере. К себе.

— Слушайте меня внимательно, Сомова, и без географии. — Голос стал ещё тише, и кабинет стал ещё больше. — Или вы, Сомова, проявите сознательность, или путёвка уйдёт Людмиле Физиковне, у которой трое детей и хроническая сознательность.

Бежевый телефон молчал, но Вера слышала его. Чернышевский смотрел сверху и ждал, что она ответит.

— Я проявлю, — сказала Вера. — Сознательность. Полностью. Три дня.

— Три дня, — подтвердила директриса. — С сегодняшнего. Утром кормить, вечером... что там с птицами делают вечером?

— Жердочку протирать. Воду менять.

— Жердочку протирать, — Раиса Демьяновна записала это в поле «Мероприятие» против фамилии «Сомова» — чернилами, аккуратно, навсегда. — До выяснения статуса экспонат находится на вашей личной ответственности. Одно пёрышко не то — разговор будет другой. Свободны.

Вера поднялась, взяла клетку. Клетка весила ничего, и это было самое страшное: ничего не весит и висит на всём.

— Раиса Демьяновна, а если... — она осеклась. Вопросов «а если» у этой задачи было больше, чем у Австралии островов.

— Если — не будет, — тихо сказала директриса и сняла трубку чёрного телефона, хотя тот не звонил. — Занято, Сомова.

В коридоре перемена гремела на всех широтах. Вера прижала клетку к боку, прошла мимо учительской — оттуда на неё опять посмотрела Людмила Физиковна, с авоськой на коленях, и в этом взгляде читались все трое детей разом, — вышла к окну в торце коридора и остановилась.

Под капюшоном шевельнулось, и Кеша сказал своё короткое «тис» — по-птичьи буднично, по-человечески непонятно.

— Тис, — согласилась Вера. — Едешь ко мне. На Пресню. Комната коммунальная, вид во двор, соседка — библиотекарша, кот... — она замолчала, потому что про кота Зиновки, Барсика-Литератора, думать сейчас было нельзя категорически. — Ничего. Три дня — это не срок. Это даже не материк. Это остров.

Она посмотрела в окно, где март мел по-над крышами, и с удивлением обнаружила, что улыбается. Путёвка висела на ниточке длиной с птичий хвост — но висела. Сочи существовало. Море, тёплое, солёное, единственное в пределах досягаемости профкома, ждало её в августе, а до августа — только трое суток с птицей весом двадцать граммов, от которых теперь зависело всё.

«Двадцать граммов, — подумала Вера, неся клетку вниз по лестнице, к кабинету, к третьему уроку, к жизни, которая с этого часа стала хрупкой, как яичная скорлупа. — Вся моя судьба весит двадцать граммов. И у неё аппетит».

Из-под капюшона донеслось деловитое шелушение семечки — Кеша обедал. Кто-то в этой школе умел жить правильно...

Глава 3

Коммуналка на Пресне встретила Веру запахом четырёх борщей и одного чужого подгоревшего лука — вечерняя акклиматизация, как сказала бы Вера, если бы у неё были руки. Рук не было: в одной клетка под пальто, в другой сумка с глобусом, буханкой и тетрадами, а чулки так и болтались на локте — «дошнуроваться» в трамвае не удалось, трёхвагонка стояла на Кудринской как прибитая, и всю стоянку Кеша телеграфировал из-под пальто своё «тис-тис-тис», а Вера делала вид, что это клюёт носом её воротник.

В коридоре у колонки стояла очередь из одного человека — Зиновки, в халате в розочку, с абонементом на цепочке, висящим на груди, как орден. Колонка шипела. Зиновка колонке вторила.

— Сомовна, — сказала она, не оборачиваясь. — Я по лицу... то есть по шагам. У тебя шаги как у человека, у которого в сумке кенгуру.

— В сумке глобус, — сказала Вера. — Кенгуру в другом месте.

Зиновка обернулась. Взгляд её прошёл от сумки к пальто, от пальто к пальто ещё раз — библиотечный взгляд, выдающий книги и недомолвки с одинаковой скоростью. Пальто выбрало этот момент, чтобы тиснуть.

— Так, — сказала Зиновка. — Сомовна, это у нас раздел «Приключения. Птицы». Я отвечаю. — Она сняла абонемент с шеи, точно сдавая дежурство. — Чужая живность вносится в комнату на трое суток без предупреждения соседей — это подраздел «Внезапные фауны», я читала. Читала! У Брэма. Неси, пока Барсик не учуял.

Барсик-Литератор уже учуял. Барсик-Литератор учуял ещё на лестнице, между первым и вторым этажами, и теперь сидел на табуретке у зиновкиной двери в позе, которая у котов означает «я здесь с вечера и вообще мимо проходил». Усы стояли параллельно земле. Хвост описывал малые дуги, как секундная стрелка, у которой есть план.

— Он ничего, — сказала Зиновка буднично. — Он просто литератор.

В комнате Вера поставила клетку на стол, сняла пальто, и Кеша предстал перед коммуналкой во всей своей двадцатиграммовой служебной значимости: жердочка, поилка из-под микстуры, бирка «Кеша», глаз бусиной — один: синица рассматривала комнату по очереди, как читатель — каталог.

— Господи, какая мелкая, — восхитилась Зиновка. — Сомовна, это же не птица, это... это вырезка из птицы.

— Это экспонат, — сказала Вера и сама ужаснулась тому, как это прозвучало. — До выяснения. Моя личная ответственность. Три дня.

Она рассказала. Рассказала всё, потому что Зиновка была из тех, кому не рассказать нельзя — не расскажешь сам, она выдаст себе читальный билет и снимет копию. Ремонт, выставка, статус, райком, путёвка. Сочи, август. Море, которого Вера не видела ни разу, хотя знала его наизусть до двадцати семи изоглубин.

— Значит так, — Зиновка села на кровать и подобрала халат, как подбирают полы перед штурмом. — Я беру кураторство. Это раз. Корм — у меня в «Приключениях» семечки лежат с октября, это два. И никому. Сомовна, никому не говори, что я знаю. Я буду держать это как книгу третьего хранения.

— Зиновка, — сказала Вера осторожно. — Ты книги третьего хранения кому попало выдаёшь, если дважды попросят.

— Только по дважды! — оскорбилась Зиновка. — Это устав, Сомовна. По один раз — ни-ни.

В коридоре бухнула колонка, и в дверь, не стучась, но и не вломившись — ровно на половину разрешённого — заглянул дядя Гоша. На дяде Гоше была куртка таксиста и выражение

человека, который смену закончил, а жизнь — нет. За окном, под фонарём, ждала жёлтая в шахматку «Волга», и на зеркале её, Вера знала, покачивался плюшевый кубик — единственный талисман в доме, конкурирующий с абонементом.

— О, — сказал дядя Гоша, глядя на клетку. — Птичка в доме.

— Кеша, — сказала Вера. — На три дня. Служебная командировка.

— Птичка в доме — это к новости, — дядя Гоша вошёл целиком, потому что приметы надо рассматривать целиком. Он обошёл клетку по малой дуге, держась на расстоянии, как обходят машину после мелкой аварии. — К новости, Вер Палыч. А чья новость — вот вопрос. Твоя, Зинкина или моя — неизвестно. И вот пока неизвестно, я бы, знаешь, не распылялся.

— А вы распылялись? — спросила Зиновья.

— Я предохраняюсь. — Он присел на корточки перед клеткой. Кеша присел на жердочку перед ним. Переговоры шли на равных. — Смотри, как устроимся. Птица — стихия воздушная. Машина — колёса, земля. Связи между ними нет, это я как таксист говорю, значит, на мою карму она влиять не должна. Но! — палец поднялся. — Если новость пойдёт по дому — я не при делах. Я свидетель. Шахматки слышали.

— Гоша, а везти нас будешь? — спросила Вера, не зная ещё куда и зачем, но чуя линию фронта.

— Везти — буду, — сказал дядя Гоша великодушно. — Три дня птица у тебя — три дня я машину проветриваю.

На табуретке за дверью молчал Барсик-Литератор — профессионально, как молчат у приёмных окон, когда очередь давно кончилась, а они стоят. Вера вышла в коридор за сумкой и встретила с ним глазами. Кот посмотрел на неё, потом — медленно, со значением — на щель под дверью, потом опять на Веру. В этом взгляде не было охоты: охота — импульс, минута. В этом взгляде было решение о назначении. Клетка, невидимая, недостижимая, была в этот вечер объявлена целью его жизни — и кот сообщил об этом Вере лично, как положено: в адресную службу.

— Зиновья, — сказала Вера, возвращаясь. — Кота забирай. На ночь. И на день. И вообще теперь у тебя кот при комнате.

— Он у меня и так при комнате, — сказала Зиновья, но пошла. За дверью послышался короткий спор на повышенных колонках: кот объяснял, что он здесь работает, Зиновья отвечала, что работает он теперь у неё, в отделе.

Клетку ставили на шкаф — единственный континент комнаты, не разведанный котом: высокий, гладкий, до верха которого Барсик-Литератор добирался только в теории и один раз на практике, о котором в доме не вспоминали. Вера подставила стул, Зиновья подала клетку, дядя Гоша страховал снизу и командовал: «Левей. Левей, у тебя ж север с той стороны». Кеша перенёс восхождение с достоинством полярной станции: пересел на дальнюю жердочку, попил и тиснул один раз — утвердительно, с правом подписи.

— Всё, — сказала Зиновья, спускаясь со стула и вытирая руки о розочку. — Экспедиция обосновалась. Сомовна, я завтра принесу тебе из библиотеки что-нибудь про птиц. Не для тебя — для архива. У нас теперь, считай, филиал.

— У нас теперь, считай, три дня, — сказала Вера.

Она леглась спать в комнате, где на шкафу жила её судьба весом двадцать граммов. Этажерка с глобусами стояла напротив — пять глобусов разных лет, от школьного с лаком до нового, — и Вера накрыла её от пыли старой клеёнкой: в доме, где завёлся экспонат, пыль тоже становилась ответственным лицом. Общий телефон на стене в коридоре тренькнул раз и передумал — не её новость. Чья новость — вот вопрос, сказал дядя Гоша.

Вера лежала и смотрела в потолок. Три дня. Утром кормить, вечером жердочку протирать, воду менять. Синица — птица домашняя, Кеша — птица воспитанная, кот — кот запертый, соседи завербованы, карма — под наблюдением таксопарка. Задача не из тех, что

решаются, а из тех, что переживаются: малый архипелаг между «сегодня» и «субботой», три островка по дню каждый, а там — материк с выставкой, и за материком, в августе, — море.

Сверху, со шкафа, слышалась возня: Кеша устраивался на ночь, перебирал ногами жердочку, как перебирают одеяло. Потом — тишина. Потом — очень тихо, за стенкой, в зиночкиной комнате, коротко и обиженно мякнул запертый литератор, выражая позицию.

— Спи, — сказала Вера потолку. — Всем спать. Это приказ экспедиции.

И, кажется, все послушались. Почти все....

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.